

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Древние племена
скифов владели
уникальным
сокровищем...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Венец скифского царя

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Венец скифского царя

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Венец скифского царя / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2018 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-097153-4

Казалось бы, какое отношение имеет обычная питерская девушка к древним скифам? А к золотому царскому венцу, принадлежавшему их повелителям и утерянному в одночасье? Но вот именно Лена Дроздова приближается к тайне уникального экспоната... И с ней происходят загадочные и страшные события. Бывшая одноклассница приглашает ее к себе на праздник, откуда Дроздова вынуждена сбежать и сесть в машину незнакомого мужчины, который на середине пути просто исчезает. И чтобы добраться до дома, Лена угоняет его автомобиль вместе со всем содержимым. И в кармане куртки водителя девушка находит странную открытку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097153-4

© Александрова Н. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Александрова Наталья Николаевна

Венец скифского царя

© Александрова Н. Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Лена покосилась на водителя. Только сейчас она разглядела его толком.

С первого взгляда он показался ей заурядным мужичком средних лет, скучным и безвредным любителем домино и пива, владельцем скромного садового домика. Только теперь она увидела твердый квадратный подбородок, волчий оскал, мышцы, рельефно проступающие под рубашкой, седоватую трехдневную щетину на щеках, татуировку на руке. И напряженный, настороженный взгляд, который водитель то и дело бросал в зеркало заднего вида.

Странный взгляд. Странный и нехороший. Взгляд опасного хищника. Опасного зверя.

Зря она села в эту машину!

В Лениной голове замелькали жуткие истории о девушках, которые по глупости сели в машину незнакомого человека. Все эти истории кончались одна хуже другой.

С другой стороны, что ей еще оставалось? Идти пешком по ночным улицам – еще опаснее, чем сесть в автомобиль... тем более в этом безлюдном районе...

Она снова взглянула на водителя.

И тут поняла, кого он ей напоминает.

Действительно, зверя. Но – затравленного зверя, по следам которого идут охотники.

Лена почувствовала исходящий от водителя запах страха, заметила капли пота на лбу.

Чего он боится?

Чего и кого?

– Что смотришь? – процедил он, перехватив ее взгляд.

– Я... не смотрю. Больно ты мне нужен.

Лена откинулась на сиденье, и ремень тотчас врезался в бок. Она поерзала, устраиваясь поудобнее, и снова скосила глаза на водителя. Тот мрачно сдвинул брови к переносице и смотрел прямо перед собой. Не разговаривал с ней, не пытался заигрывать, и это было, конечно, хорошо, однако его мрачный вид Лену беспокоил. Эта гнетущая тишина в машине напрягала. Хоть бы музыку включил, что ли...

Лена тяжело вздохнула. Винить за сегодняшнее приключение можно было только саму себя, свою глупость и непонятную доверчивость. Черт ее дернул согласиться на Катькину вечеринку. Вот как будто и правда бес попутал!

Они с Катькой в школе никогда не дружили. Учились вместе с первого класса до девятого, а потом Лена ушла в другую школу. А Катька осталась в той, первой. И Лена потеряла связь с теми одноклассниками, какие-то там все были неинтересные.

Изредка доходили всякие новости – кто-то из девчонок рано выскочил замуж, кто-то уже родил, одна девчонка из параллельного аж двойню. Лене было опять-таки неинтересно, у нее была своя жизнь, свои друзья – из института, потом с работы.

Пару раз сталкивались они с Катькой на улице или в магазине – как живешь, как дела, да вроде все ничего – и разошлись. Потом не виделись несколько лет, так что когда в торговом центре какая-то девица вдруг бросилась Лене на шею, Лена испуганно шарахнулась в сторону. Катьку трудно было узнать, только по голосу Лена вспомнила девочку с вечно лезущей на глаза челкой, которую Катька пыталась сдуть или же так задирала голову, что учителя неизменно повторяли: «Супрунова, на потолке ничего не написано!»

Сейчас Катька перекрасилась, прибавила в весе, макияж был теперь чересчур яркий, и одежда соответствующая. Стрижка, надо сказать, ей шла, ни о какой челке не было и речи.

Катька так искренне обрадовалась встрече, что у Лены язык не повернулся отказаться, когда Катька потащила ее в кафе. Как ни странно, они хорошо посидели, вспоминая школьные годы.

Лена-то думала, что и вспоминать нечего, в той, дворовой школе ей всегда было невыносимо скучно, а у Катьки, оказывается, были какие-то свои представления и воспоминания.

А Лене в ее состоянии было даже приятно поговорить о чем-то давнем и постороннем. И Катька не лезла с вопросами, как у Лены с личной жизнью, о себе тоже не говорила, все больше о школьных приятелях. Ленина машина была в ремонте, так что она позволила себе даже выпить рюмочку ликера с кофе. И неожиданно рассказала Катьке, что рассталась с Андреем – нехорошо так, не по-людски.

– Бросил тебя, что ли? – спросила Катька.

– Да там не понять даже, кто кого бросил, – вздохнула Лена, – в общем, противно очень.

– Бывает... – протянула Катька и перевела разговор на другое, за что Лена была ей благодарна, она уже пожалела, что разоткровенничалась с малознакомым человеком.

С другой стороны, знакомым про это рассказывать – себе дороже обойдется.

В общем, посидели, поболтали, обменялись номерами телефонов да и разошлись. И Лена выбросила из головы Катьку в полной уверенности, что в лучшем случае увидятся они лет через десять.

И просто обалдела, когда Катька позвонила через неделю и пригласила ее на день рождения, как она сказала – дняха у нее в субботу, и чтобы Лена обязательно приходила. Лена открыла было рот, чтобы отказаться, но пока придумывала предлог, Катька уже заболтала ее, сказав, что будет не только дняха, но и новоселье, она только что переехала в новую квартиру.

– Приходи, Лен, – сказала Катька, – очень прошу. Все-таки столько лет знакомы.

После такого как-то язык не поворачивается послать человека подальше, что, как теперь понимает Лена, нужно было сделать тогда, причем не раздумывая.

А Катька уже расписывала, как они чудно посидят теплой дружеской компанией, будут только свои, человек восемь всего.

Лена представила, как она проведет субботний вечер, как и все последние вечера, одна.

Раньше они ходили с Андреем всюду вместе, во все компании. Он небось теперь туда тоже ходит, может быть, с новой подружкой уже. Известно ведь, что одинокий мужчина в любой компании никогда лишним не будет, а вот одинокую даму обычно в компанию, где все парами, не зовут. Поэтому, чтобы на отказ не нарываться, Лена и не напрашивалась. Да и не хотелось, в общем. Так, с девочками с работы сходит куда-нибудь в кафе или в баню, так и то каждый норovit спросить, как там Андрей, что-то его не видно.

Так что Лена проявила несвойственные ей глупость и легкомыслие и поехала в субботу к Катьке. Сегодня то есть.

Или, точнее, вчера, сейчас уже половина первого, стало быть, воскресенье настало.

Начать с того, что квартира находилась в такой, извините, заднице, что Лена и не была в том районе никогда в жизни. И главное, она-то думала, что квартира в новом доме, а оказалось – в жуткой пятиэтажке, да еще на первом этаже.

Тогда Лена еще порадовалась, что не взяла машину. Представила, как она будет плутать в этом отдаленном районе, а потом в незнакомой компании все будут вязаться, чтобы выпила хоть немножко, хоть бокал шампанского за здоровье именинницы, и Лена не выдержит, а за руль потом ни за что не сядет, так что придется оставлять машину в чужом дворе минимум на сутки.

Увидев тогда этот двор, Лена вздохнула с облегчением. Все-таки ума и дальновидности у нее сколько-то есть. Двора, собственно, как такового не было, стояли друг за другом в затылок три пятиэтажки, между ними – детская площадка с загаженной песочницей и сломанными в прошлом веке качелями, в углу – домик помойки, который был так завален старыми продран-

ными матрасами и ломаной мебелью, что места для контейнера не осталось, тот стоял прямо на дорожке. За помойкой прятались два скромных инвалидных гаража, возле которых на ящиках сидели три личности самого отвратительного вида.

Только с одной стороны был бетонный забор, и за ним виднелось огромное серое, невероятно унылое здание.

Взглянув на все это великолепие, Лена снова похвалила себя за предусмотрительность.

Какие там сутки, тут на двадцать минут приличную машину оставить нельзя, мигом разденут!

Катька шумно приветствовала ее, полезла целоваться, от нее уже прилично пахло вином и сигаретами. Лена не курила, так что едва сдержала отвращение.

Квартира была крошечная и жутко захламленная, мебель старая, бумажные обои висели кое-где клочьями.

– Это бабкина квартира, – тараторила Катька, – бабка у меня померла, мне квартиру оставила. Конечно, не бог весть что, зато свое. Опять же, на работу близко, я вон в той больнице работаю.

– Ты? – удивилась Лена. – В больнице?

– Ну да, медсестрой в ортопедическом. Я ведь, между прочим, медицинский колледж закончила. Работала по торговле, да что-то не понравилось, так что решила по специальности. Опять же, никуда ездить не надо, вон она, работа моя. – Катька махнула рукой в сторону бетонного забора.

Лена обошла квартиру, что сделать было совсем нетрудно, ужаснулась жуткой ванне в рыжих подтеках и шкафчикам на кухне, которые, по ее прикидкам, помнили, наверное, первые пятилетки, целину и полет Юрия Гагарина.

«Бедно бабка жила, что уж тут скажешь, – подумала она, – но это не мое дело».

Она бы, конечно, не стала гостей звать в такую халабуду, где единственные новые предметы обстановки – это холодильник и большая двуспальная кровать, которая занимала едва ли не всю маленькую, тесную комнатку.

Зачем тесниться, когда можно в кафе посидеть?

Лена поняла, зачем, гораздо позже. Катька представила ее гостям – нескольким парням и двум девицам, очень похожим друг на дружку. Обе были тощие и длинноносые, только у одной светлые волосы были распущены по плечам, а у другой – забраны в малосимпатичную кичку на темечке. Девушки посмотрели на Лену неприветливо, особенно после того, как Катька представила ее как свою школьную подругу, находящуюся в данное время в свободном поиске. Умнее ничего не придумала, вроде и не настолько пьяная, а такое несет!

После таких слов парни оживились, стали отпускать шуточки. Особенно отличался один – как оказалось, Катькин хахаль, звали его Валера. Вот он-то Лене сразу не понравился. На правах хозяина Валера провел ее по квартире (было бы что смотреть), вроде бы случайно погасил свет в ванной, так что они едва не столкнулись лбами, и Лена почувствовала его несвежее дыхание.

Все это начинало ей очень не нравиться. Но тут явился запоздавший Толик, которого посылали за вином, и все сели за стол.

Из еды были какие-то несвежие салаты, явно из магазина, и пицца, которую Катька заказала явно не в приличном итальянском ресторане, а в какой-нибудь соседней забегаловке. Вино было из самых дешевых, пить его Лена не могла.

Но с одной стороны от нее сидел Валера, который подливал и подливал, а с другой – Толик. Толик был похож на двухстворчатый платяной шкаф, уж извините за расхожее сравнение. Сходство это усугублялось тем, что по случаю праздника на нем был пиджак, и полы его выглядели как дверцы того же шкафа. Табуретка под ним так ужасно скрипела, что Катька пересаживала его на Ленин стул, который тоже страдальчески крикнул от такого веса.

Как Лена ни старалась отвертеться, а пришлось выпить за Катькино здоровье. Потом – за родителей, потом – еще за что-то столь же обязательное. В голове у нее слегка шумело, в комнате было жарко, Катька раскрыла окно и включила музыку.

Блондинистые девицы тут же повисли каждая на своем парне (те тоже были здорово похожи – оба коротко стриженные, с оттопыренными ушами). Толик снял пиджак, и там, внутри, вместо полок и ящиков с бельем, оказался он сам. Толика было так много, что Лена не дотянулась до его плеча. Они топтались на месте, пока Толик не наступил ей на ногу. Он ужасно сконфузился, а Лена едва не заорала от боли. Прибежал Валера, предложил посмотреть ногу, Лена отказалась, потом снова выпили, затем Катька позвала Толика на кухню, и Лена вздохнула спокойно – хоть вторую ногу не отдавит.

Она уже прикидывала, как бы уйти незаметно, но сумку было не найти в крошечной прихожей, заваленной барахлом и чужими вещами.

Потом все снова сели за стол, потому что Катька подала горячее – сомнительного вида котлеты, которые Лена есть не стала. Оттого, что не ела, в голове шумело все сильнее, она вышла на лоджию подышать, Валера отправился за ней. Он стоял недопустимо близко, так что Лена отодвигалась от него в угол. Уйти было нельзя – он загораживал дверь. Он был здорово пьян, и Лена ужасно обрадовалась, когда обнаружила свою сумку и куртку прямо тут, на лоджии.

– Мне пора, – сказала она, – уже поздно, нужно идти...

– Да куда ты... – Он облапал ее, и тут на лоджию влетела разъяренная Катька.

– Ах, вот ты как? – заорала она. – Стало быть, решила моего парня увести? Ну, спасибо, подруженька, отблагодарила за все хорошее! Большое спасибо!

Лена хотела сказать, что ничего хорошего ей Катька не сделала, и в гости к ней она не набивалась, и этот урод ей и даром не нужен, но Катька набирала обороты и уже орала на весь дом:

– Люди добрые, вы только на нее посмотрите! Не успела прийти, как уже на него вешается! Саму мужик бросил, так она на чужих лезет! Ни стыда, ни совести!

Катька вертелась возле и норовила вцепиться Лене в волосы.

– Да замолчи ты! – Лена махнула сумкой и случайно заехала Катьке по щеке.

Та взвыла и отпрянула, приложив руку к лицу. Лена растерялась, тогда Валера схватил ее сзади за плечи.

– Катька, врежь ей скорее, пока держу! – заорал он.

– Ах ты, сволочь! – Лена озверела, завертелась и укусила Валеру в плечо. Когда необходимо, она умела за себя постоять.

– Ты че, сдурела? – заорал Валера и отпустил Лену. – Шуток не понимаешь?

Какие тут шутки! Катька выставила вперед руки с короткими ногтями, вымазанными ярко-красным лаком (все же медсестра, ногти наращивать им, видно, не разрешают), и пошла на Лену, целясь в глаза. И пришлось бы Лене плохо, потому что сзади напирал Валера, но тут на лоджию протиснулся Толик.

Как он уместился в тесном пространстве, непонятно, но Толик не стал интересоваться, что же они тут делают, как мальчик в старой детской комедии, а тут же уразумел суть проблемы. Одной рукой он поднял Катьку над полом, так что она только ругалась и бессильно болтала в воздухе ногами, второй рукой толкнул Лену к выходу. Она подхватила сумку и протянула руку за курткой, но этот гад Валера вытянул куртку и покрутил перед ней, как тореадор крутит мулету перед разъяренным быком. Куртка была брусничного цвета, очевидно, это и навело Валеру на мысли о корриде.

– А-та-та... – говорил он, – а попробуй, достань!

Лена сунулась было за курткой, но Валера ловко ее обошел и выскочил с лоджии в комнату.

Кровь бросилась Лене в лицо, до того она разозлилась. Она увидела на столе среди грязной посуды нож и протянула уже к нему руку. И тут в голове прозвучал вопрос, что же она делает.

– Ну, иди, иди сюда... – звал Валера, помахивая курткой.

– Да пошел ты! – рявкнула Лена и выбежала из квартиры.

На улице ей стало легче, во всяком случае, руки перестали трястись, и глаза не застилала уже пелена ярости. Ну сходила в гости, хорошо провела субботний вечерок! Сама виновата, не нужно было сюда соваться. Ладно, сейчас надо вызвать такси и уехать отсюда поскорее. Дома успокоиться и забыть про Катюку.

Она сунулась в сумку за телефоном и не нашла его в кармашке. Сердце сдавило нехорошее предчувствие – сумка валялась на лоджии, кто угодно мог в ней порыться. Лена пошарила в сумке – вот кошелек, и деньги вроде все на месте, она много с собой и не брала, вот ключи от квартиры, косметичка.

Телефон нашелся на самом дне, и у Лены отлегло от сердца. Но радость оказалась преждевременной – мобильник безнадежно разрядился.

Черт, ну хотела же проверить перед уходом! И вот что теперь делать одной на пустой темной улице? Точнее, темнота еще не наступила – все-таки конец мая, вроде бы белые ночи в городе. Но небо сегодня весь день было обложено тучами, как ватой, оттого Лена и взяла с собой куртку, опасаясь дождя.

Вспомнив про куртку, она здорово разозлилась – новая, довольно дорогая вещь, первый сезон всего и носила-то. Ну Катюка, ну зараза! Это же надо – Лену приревновать к этому уроду Валере. Да на него глядеть – и то оторопь берет!

Лена вспомнила, как заехала Катюке сумкой по морде. Немного полегчало, и она решила поймать левака и ехать домой. Рискованно, конечно, но выбора нет.

Тут из-за угла вывернула машина, и Лена подняла руку. Машина проехала было мимо, но вдруг сбросила скорость, остановилась, и водитель подал назад.

– Скучаешь? – спросил он, как показалось Лене, с насмешкой.

– Я с работы! – буркнула она и отвернулась.

– Садись! – Он открыл дверцу. – Довезу уж, если с работы. В больнице работаешь? – Он мотнул головой назад, где оставалась темная громада больницы.

– Ну да, медсестрой в ортопедическом, – закивала Лена.

Она и сама не знала, для чего соврала, но продолжала болтать, чтобы разрушить неловкую тишину:

– На дежурстве задержалась, сменщица моя не явилась, день рождения у нее, вот, пришлось подменять... – И добавила зачем-то: – Меня Катей зовут, а вас?

Водитель буркнул что-то невразумительное и отвернулся. Лена поняла это так, что он не намерен болтать, и притихла.

Машина неслась по пустым улицам, ясное дело, это не центр, там-то сейчас оживленно. Лена ненадолго закрыла глаза и отключилась, а когда очнулась, то не узнала ничего вокруг.

То есть этот район она и раньше плохо знала, но все же не было у нее топографического кретинизма, она сама водила машину и запоминала дорогу. И теперь была уверена, что, когда ехала сюда на такси, она этой дорогой не проезжала, хоть что-то в памяти отложилось бы.

– Куда мы едем? – Она постаралась, чтобы голос звучал спокойно.

– В город едем, как договаривались, – ответил водитель, – тут дорога получше.

Тогда-то Лена и пригляделась к водителю и увидела волчий оскал и затравленный вид.

От страха сделалось нехорошо, сердце заколотилось, голова стала тяжелой, дыхание сбилось.

За окном машины проносились чахлые кусты, выхваченные из темноты мертвенным светом фар. Никаких домов и вообще строений не было видно. Куда он ее завез?

На Лену накатила тяжелая волна тошноты.

Дешевое пойло, которым ее угощали у Катьки, просилось наружу. Тошнота усугублялась злостью – злостью на Катьку, злостью на саму себя. Вроде не двадцать лет, пора бы уже поумнеть... Да еще водитель этот какой-то странный... Хотя ночью-то все странными кажутся, у страха глаза велики...

– Остановись! – попросила она водителя.

Он взглянул на нее удивленно:

– Что вдруг?

– Тошнит меня! – ответила она зло. – Ты же не хочешь, чтобы я тебе весь салон заблевала?

– Черт! Только этого мне не хватало! – Водитель ударил кулаком по рулю, но все же затормозил, съехал на обочину. – Ладно, давай уж, только скорее...

Он повернулся – не к Лене, в другую сторону, быстро и настороженно оглядел дорогу.

Лена открыла дверцу, выбралась из машины, сделала несколько неуверенных шагов. Жадно вдохнула ночной воздух. Впереди столпились пыльные кусты, они, словно руки, тянули к ней ветки, ветер ворочался в них, как большое тяжелое животное.

Лена пошла дальше от дороги, дальше от машины, дальше от этого странного ночного водителя. В голове мелькнула мысль, что он может уехать, – но даже это не казалось теперь важным.

Лена шла, не разбирая дороги, шла в темноту, спотыкаясь, цепляясь за сухие ветки.

Наконец остановилась, отдышалась.

Тошнота прошла сама, от темноты и свежего ночного воздуха. Вокруг была гулкая, непривычная тишина. Здесь, в стороне от дороги, в стороне от жилья, она увидела над собой огромное ночное небо, тускло подсвеченное огнями большого города.

В голове начало проясняться, и тут до нее дошел ужас собственного положения – ночью, одна, на безлюдном пустыре... если этот водила уедет, что она будет делать?

Она торопливо развернулась и пошла в обратном направлении. Впрочем, сейчас, в этой густой пыльной темноте, она утратила представление о направлении и шла наугад, проламываясь через кусты, может быть, и не туда, куда нужно, может быть, удаляясь от дороги, углубляясь в пустырь. Кусты хватали ее за одежду, словно пытаясь удержать, вернуть ее.

Вдруг впереди, там, куда она шла, послышался шорох.

Лена застыла, испуганно вглядываясь в темноту. Потом тихо проговорила, обращаясь к этой темноте:

– Кто здесь?

Никто ей, разумеется, не ответил, но ветки кустов шевельнулись, оттуда донесся тяжелый вздох.

Лена повернула и побежала, все равно куда, только бы подальше от того, что шуршало, вздыхало и двигалось в темноте.

Постепенно она успокоилась и подумала, что устроила панику на пустом месте.

Теперь она уже вовсе не представляла, куда нужно идти, и шла вперед, только чтобы не стоять на месте.

И через несколько бесконечно долгих минут, когда она уже окончательно уверилась, что заблудилась на этом проклятом пустыре, впереди проступил неяркий свет.

Лена раздвинула кусты – и с облегчением увидела впереди дорогу и знакомый силуэт машины.

С бьющимся сердцем вышла из кустов, поправила волосы, одернула юбку, подошла к машине, опустилась на переднее сиденье и проговорила виноватым и в то же время агрессивным голосом, заранее отбиваясь от неизбежных упреков водителя:

– Ну все, поехали...

И только после этого почувствовала зияющую пустоту на водительском сиденье.

Оглянулась – и убедилась, что водителя рядом с ней не было.

Наверное, тоже вышел по своим делам... ну вот, а сам не хотел останавливаться!

Лена сложила руки на коленях, устроилась поудобнее, придумывая язвительную фразу, которой встретит вернувшегося водителя. Правда, ничего остроумного в голову не приходило.

Прошла минута, другая...

Да что он там так долго делает?

Все язвительные фразы напрочь выветрились из головы. Для них просто не осталось места. Лена взглянула на часы. Было уже половина второго.

Она прикрыла глаза и не заметила, как задремала.

Ей даже начал сниться какой-то сон – лестницы, коридоры, незнакомые люди... они в чем-то укоряли ее, показывали на нее пальцами, и Лена во сне знала, что виновата перед ними, не знала только, в чем именно заключается ее вина.

Проснулась она, как от толчка, и в первый момент не могла понять, где находится. Наконец вспомнила неудавшуюся вечернику, свой побег, странного водителя – и осознала, что все еще сидит в пустой машине рядом с ночным пустырем.

Взглянула на часы – было без пяти два.

Спала-то она недолго, но куда же запропастился этот водитель?

Лена вышла из машины, вгляделась в темные кусты, позвала его отчего-то негромко, словно боясь кого-то разбудить:

– Эй, ты где? Ты куда пропал?

Ей никто не ответил – только ветер лениво пошевелил сухие пыльные ветки.

Лена снова села в машину, положила руки на колени, уставилась в темноту.

Что же делать?

Сколько можно ждать – до утра?

А что еще она может делать? Идти по этой дороге, которая ведет неизвестно куда?

И куда он, черт его возьми, делся? Отошел в кусты по надобности, и там ему стало плохо? Вот так прямо свалился такой здоровый крепкий мужик? Да не может быть!

Тут она повернула голову и увидела, что из замка зажигания торчат ключи. Вот как, и ключи оставил...

А почему бы не...

Водила сам виноват – ушел неизвестно куда, бросив ее, бросив свою машину без присмотра...

Она передвинулась на водительское сиденье, повернула ключ зажигания.

Мотор охотно заработал, как будто только этого и ждал. Лена выжала сцепление и тронулась вперед.

Скоро она проехала пустырь, мимо замелькали унылые серые пятиэтажки со слепыми глазницами ночных окон. Только в одном окне горел свет, словно за этим окном бодрствовал кто-то, кто надзирал за этой ночью.

Вскоре справа от дороги показался светящийся аквариум автозаправки.

Тут Лена затормозила – она поняла, что едет на чужой машине без всяких документов, и если нарвется на гибэдэдэшника, мало ей не покажется – это в чистом виде угон. Только этого ей не хватало!

Лена затормозила, не доезжая до заправки. Оттуда наверняка можно вызвать такси. А машину найдут, утром ее обязательно увидят.

Повернула зеркало заднего вида, чтобы привести себя в порядок. Поправила волосы, оглядела одежду...

Мимо проехала машина, и в свете ее фар Лена вдруг увидела расплывающееся сбоку на блузке темное пятно.

Пригляделась... и почувствовала, как по коже пополз липкий холодок страха.

Это была кровь. Ну да, и запах крови...

Лена в страхе выскочила из машины, взгляделась в водительское сиденье – и увидела, что оно все залито кровью.

Удивительно, как она это сразу не заметила? Ну да, там темно было, а свет она побоялась включить.

Господи, что же случилось, пока она ходила на пустырь? Куда делся водитель?

И она, идиотка, сидела в машине и даже спала там! А потом села на окровавленное место и ехала в этой машине по городу! Ну, положим, не по городу, а по окраине, но все-таки...

Бежать, бежать, скорее бежать отсюда!

Она сделала уже шаг от машины, но тут осознала, что нельзя идти в окровавленной одежде. Черт бы побрал этого тореадора Валеру, чтоб его самого бык на рога поднял!

Снова заглянула в салон – и увидела на заднем сиденье длинную мужскую куртку, куртку водителя.

Ну что ж, это лучше, чем ничего...

Она накинула куртку, запахнула ее, чтобы не была видна кровь, захлопнула дверцу машины и пошла к заправке.

Ключи оставила в замке зажигания.

Понятно, что машину тут же угонит какая-нибудь шпана, но так оно и лучше: больше запутаются следы, никто уже не свяжет этот автомобиль с самой Леной. Про пропавшего водителя она уже не думала, все вытеснила одна мысль – оказаться как можно дальше от машины и вообще от этого опасного места.

На заправке дежурил сонный парень, больше не было никого, и снаружи пусто, никаких машин.

При виде Лены парень оживился.

– Что, клиент бортанул? Тяжелая у вас работа... может, обслужишь со скидкой? По ночному тарифу!

– Отвянь... – вяло отмахнулась Лена. – Вызови мне лучше такси, у меня батарейка села.

Парень не обиделся, набрал номер, и через двадцать минут к заправке подкатила белая «Шкода». Лена ждала ее на улице, чтобы парень не вязался с разговорами и не запомнил ее лицо. Она села на заднее сиденье, опять-таки чтобы не болтать с водителем такси, но тот включил музыку и с разговорами не приставал.

По ночному городу доехали быстро, водитель молча принял деньги, кивнул и уехал. На негнущихся ногах Лена потащилась к подъезду. В лифте ей захотелось сесть на пол и так остаться на длительное время. Она долго не могла попасть ключами в замок, до того дрожали руки. В прихожей с отвращением скинула куртку на пол, увидела кровавое пятно на блузке и рванула пуговицы.

Едва хватило сил добрести до кровати, и Лена провалилась в тяжелый вязкий сон.

Поздно ночью, скорее, даже под утро возле двухэтажного кирпичного дома недалеко от Черной Речки остановился выдавший виды темно-серый внедорожник.

В Петербурге есть несколько районов, застроенных такими однотипными домиками – на Черной Речке, около Удельной, возле Светлановской площади. Домики эти строили вскоре после войны пленные немцы, и долгое время они считались весьма престижными. По понятной причине эти дома называли «репарационными» или «немецкими». За прошедшие годы многие из этих домиков обветшали, некоторые были снесены, а на их месте выстроили новые многоэтажные корпуса. Однако некоторые из этих «немецких» домов были в свое время приватизированы толковыми хозяевами, качественно отремонтированы и превращены в комфортабельные современные коттеджи.

Вот как раз возле такого коттеджа и остановился серый внедорожник.

Коттедж был огорожен высоким глухим забором, в котором имелись ворота с камерой видеонаблюдения.

Водитель внедорожника, рыжий тип с оттопыренными ушами и отсветом запредельной тупости в глазах, посигналил.

Ворота открылись, и внедорожник въехал во двор.

На крыльце стоял высокий мужчина средних лет с длинным лицом из тех, какие называют лошадиными, и седеющими волосами. Лицо его выражало явное неудовольствие.

Из внедорожника вышли напарники – рыжий и бритоголовый, они волокли полуживого окровавленного человека.

– Вы что сигналиите? – прошипел хозяин коттеджа. – Ночь на дворе!

– Ну прощения просим... – пропыхтел рыжеволосый, пытаясь удержать окровавленное тело в вертикальном положении. – Ворота были закрыты, вот я и посигналил...

– И весь район перебудил! А мне ни к чему лишний шум! Мне внимание привлекать не нужно!

Бритоголовый недовольно покосился на своего напарника и примирительно проговорил:

– Шеф, мы его привезли.

– Вижу, что привезли! – поморщился хозяин особняка. – Только в каком виде! Я вам велел его живым доставить, а не замочить!

– Да он отбивался! – подал голос рыжеволосый. – Он мне зуб чуть не выбил, ну я и не удержался...

– Знаю я тебя! – перебил его шеф. – Не первый год знаю! Чуть что, сразу за нож хватаешься!

– Да он же в порядке... – канючил рыжий. – Вы велели его живым доставить, так вот, живой он... подумаешь, немного порезанный... большое дело...

– Для тебя, может, и небольшое... ладно, тащите его в подвал, пока он правда концы не отдал!

Напарники втащили полуживого человека в коттедж, спустили по лестнице в большой захламленный подвал и остановились перед старым платяным шкафом.

Хозяин особняка подошел к этому шкафу, открыл его дверцы, раздвинул висевшие на плечиках старые пальто и куртки, открыв заднюю стенку. Пошарив по верхней части этой стенки рукой, он нашел неприметную кнопку, нажал на нее – и задняя стенка шкафа отодвинулась, за ней обнаружился проход в потайную часть подвала.

Эта часть подвала была больше первой и куда аккуратнее. В ней не было никакого хлама, только обшитые пластиковыми панелями стены, офисная мебель и какие-то непонятные приборы.

Напарники втащили израненного человека в потайное помещение, усадили его в кресло на колесиках и привязали за руки и за ноги.

Закончив эту процедуру, они встали по сторонам пленника чуть ли не по стойке «смирно».

Хозяин коттеджа оглядел пленника, потом перевел взгляд на бравых напарников и проговорил:

– Ну что, приступим...

Он повернулся к раненому, осмотрел его, затем достал из ящика стола пузырек нашатырного спирта и поднес к лицу пленника. Тот отдернулся, охнул, глаза его открылись.

– Привет! – проговорил шеф. – С приездом!

Пленник заморгал, потом тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями.

– Ну что, вспомнил, кто ты такой? Может, даже догадался, кто я?

– Нетрудно догадаться... – прохрипел пленник.

– Ну и хорошо, по крайней мере, мне не придется тебе представляться. А раз ты знаешь, кто я, – ты знаешь, что мне от тебя нужно. Так что давай избавим друг друга от лишней головной боли. Скажи мне, где ты это спрятал, и поставим на этом точку, закончим наш разговор. Ни тебе, ни мне он удовольствия не доставляет.

– Отчего же! – прохрипел раненый. – Мне кажется, ты от таких вещей балдеешь...

– Не болтай ерунды! – рявкнул шеф, наклонившись над пленником, и ткнул его пальцем в болевую точку позади уха. Пленник вскрикнул.

– Еще раз спрашиваю – где ты это спрятал?

Пленник ответил мрачным взглядом.

– Я бы тебе не советовал отмалчиваться. Ты же не хочешь попасть на Каменный остров? Говори, где ты это спрятал?

– А вы машину обыскали? – спросил пленник.

В глазах его при этом появилось какое-то странное выражение, которое не укрылось от шефа. Он снова повернулся к бравым напарникам и спросил:

– А скажите мне, орлы, как вы его захватили? Как его машину остановили?

– А ее и останавливать не пришлось! – радостно выпалил рыжеволосый. – Он сам остановился! Мы подъехали – он стоит возле пустыря... мы перед ним встали, он и опомниться не успел!

– Стоял возле пустыря, говорите? – Шеф нахмурился. – Посреди ночи? А зачем он там стоял? Вам ничего в голову не пришло?

– А чего? – переспросил рыжий в удивлении.

– Ну да, чтобы туда что-нибудь пришло, для начала эта голова должна быть на плечах... и в ней должны быть хотя бы полторы извилины... ну ты-то вроде малость поумнее! – Шеф повернулся к бритоголовому. – У тебя никакая мысль не шевельнулась?

Лицо бритоголового вытянулось.

– Может, ждал он кого-то... – наконец проговорил он растерянно.

– Вот именно! – процедил шеф. – Он был там не один! С ним еще кто-то ехал, и этот кто-то вышел на пустырь отлить! А вы не проверили, не подождали... нет, глупость неизлечима!

Шеф снова склонился над пленником и спросил:

– Кто с тобой был? Кого ты ждал возле пустыря?

Раненый молчал, тогда шеф снова надавил на болевую точку.

Пленник застонал, лицо его побелело, как бумага.

– Не надо... – пролепетал он. – Пожалуйста, не надо...

– Тогда отвечай! С тобой в машине кто-то был?

– Ну да, я женщину подвез... пожалел... она шла ночью, одна...

– Женщину? – переспросил шеф. – Что за женщина?

– Молодая женщина... девушка...

– Кто такая?

Пленник молчал, и шеф сильнее надавил на болевую точку.

Пленник вскрикнул и поспешно проговорил:

– Катя... ее зовут Катя... медсестрой она работает в ортопедическом... там рядом больница, она со смены возвращалась.

– Ты ей что-то сказал? Что-то дал? – Шеф снова надавил за ухом. – Говори, это у нее?

Пленник снова застонал. Вдруг его стон оборвался, глаза широко открылись, на лице проступило выражение радостного удивления, как будто он увидел что-то прекрасное.

Ну или, по крайней мере, как будто он понял, что его мучения закончились раз и навсегда.

– Вот черт, кажется, он помер! – удивленно протянул рыжеволосый громила.

– Твоими стараниями! – прошипел шеф. – И вот что теперь прикажете делать? Его вы угробили, девку какую-то прозевали, а то, что нам нужно, не нашли.

– Шеф, мы все исправим! – забормотал рыжеволосый. – Девчонку ту мы найдем. Он же сказал – она медсестра в соседней больнице, звать Катей.

Авангард царской армии поднялся на плоскую вершину холма и остановился. Начальник правого полка огляделся, тронул тростью из позолоченной слоновой кости возницу, тот слегка шевельнул вожжи, и колесница полководца выкатилась вперед, на самый край, откуда лучше просматривалась равнина.

Впереди, за холмом, расстилалась бесконечная, безбрежная степь, кое-где изрытая сухими руслами ручьев и балками. Желтовато-зеленое море травы с рыжими проплешинами голой земли тянулось до самого горизонта.

Вторую неделю ассирийская армия неотступно шла по следам скифских отрядов, но неувлимые степные жители исчезали при появлении ассирийских развоздов, как утром под первыми лучами солнца исчезает ночной туман.

Тут и там ассирийцы видели следы недавно прошедшей степной конницы, тут и там попадались им еще не остывшие кострища и вытопанные копытами участки, тут и там ассирийские разведчики видели на горизонте небольшие конные отряды – но догнать их никак не удавалось, крепкие мохноногие скифские лошади были быстры и неумимы.

Ассирийцы не находили ни селений, ни полей, а значит, не могли пополнить свои запасы продовольствия.

Полководец всмотрелся в пыльный степной горизонт и вдруг разглядел вдали, на самом краю видимого мира, там, где тускло-голубой небосвод смыкался с тускло-золотой степью, приближающихся всадников. Они мчались навстречу ассирийцам, поднимая клубы пыли, скрадывавшие их облик и число. Еще нельзя было разглядеть отдельных воинов, но их было много, очень много.

Неужели боги вняли мольбам царских военачальников и даруют им битву с неувлимыми врагами?

Начальник полка снова тронул тростью из слоновой кости спину возницы, и тот понял без слов, развернул колесницу и покотил к центру великой армии, к огромной колеснице, которую влекли двадцать четыре могучих коня.

Как положено, начальник полка остановился за двадцать локтей от колесницы главнокомандующего, спрыгнул на землю и дальше пошел пешком, почтительно опустив взор.

Остановился перед самой колесницей – позолоченным сооружением из кедрового дерева и слоновой кости, украшенным изображениями крылатых богов и страшных зверей сиррушей, – преклонил одно колено и проговорил:

– Великий, боги услышали нас! Скифская армия идет навстречу нашим непобедимым полкам!

Главнокомандующий привстал, поправил красную, выкрашенную хной бороду, радостная и злая улыбка озарила его широкое лицо, как зарница освещает предгрозовое небо.

– Боги услышали меня! – проговорил он высоким резким голосом. – Выступаем на битву! Веди свой полк вправо, твой брат поведет свои колесницы налево, мы охватим армию варваров клещами, как скорпион, и тогда я ударю в центр и сокрушу их, как молот сокрушает соломенное чучело!

Начальник правого полка почтительно склонился, коснулся лица и сердца, показывая, что понял приказ, вернулся к колеснице и помчался к своему полку.

Теперь уже хорошо были видны скифские всадники. Их было много, очень много, но это ничуть не беспокоило ассирийского военачальника. Ему приходилось сокрушать не меньшие силы – два года назад он поверг к ногам царя головы хеттских вождей, а ведь те были слав-

ными, опытными воинами, не чета этим степным варварам! А пять лет назад боги даровали ему победу над дикими горными племенами, столь же многочисленными, как скифы.

Начальник полка отдал команду, и колесницы, медленно набирая ход, скатились с холма. Сворачивая вправо, они помчались по степи – быстрее, быстрее, быстрее...

Степь гремела под ассирийскими колесницами, как боевой барабан. Опытные, привычные к сражениям кони ржали, предчувствуя кровь. Лучники натягивали звонкую тетиву своих луков, копьеносцы готовили копья к бою.

Впереди, немного отступив от основных сил, мчались страшные серпоносные колесницы, к осям которых были прикреплены огромные острые серпы, срезающие все живое на своем пути, как перезрелые ячменные колосья, подрезающие ноги вражеских коней и шеи вражеских пехотинцев.

Страшный боевой клич издавали ассирийские воины, клич, вселявший ужас в сердца врагов.

Скифы же мчались навстречу в безмолвии – и это внушало не меньший страх, чем грозный клич ассирийцев.

Вот лучники уже изготовились по команде начальника выпустить стрелы – и вдруг скифская конница резко повернула влево, и вся безмолвная лава сменила направление.

Начальники сотен взмахнули черными флажками – и туча стрел взлетела в воздух, как гигантский пчелиный рой.

Но там, куда направили свои стрелы ассирийские лучники, уже никого не было. Скифские всадники рассыпались, как горошины из лопнувшего стручка, разделились, и вот они уже скакали в обратную сторону, удирая от ассирийских колесниц.

С колесницей начальника правого полка поравнялся всадник – его адъютант, который во время боя передавал приказы начальникам сотен. Лицо его сияло грозной радостью.

– Господин! – выкрикнул он звонким молодым голосом. – Степные варвары отступают! Они не выдержали праведного гнева нашего наступления!

– Подожди радоваться! – ответил ему начальник полка. – Скифы хитры!

Ассирийские колесницы набирали ход, стараясь нагнать скифов и ударить в их арьергард.

Они уже нагоняли последних скифских всадников. Начальник полка отдал приказ лучникам, и туча стрел снова полетела вслед скифам, на мгновение заслонив солнце.

Колесница начальника полка мчалась одной из первых, и полководец увидел скачущего перед ним рыжебородого скифа. Тот обернулся, и глаза их встретились. В глазах варвара не было страха, не было горечи и стыда поражения. В них было торжество, как будто скиф держал в своих руках победу.

Начальник полка почувствовал беспокойство. Он подумал, не следует ли прекратить погоню, не лучше ли остановить армию и послать вперед конных разведчиков. Но лавина боевых колесниц мчалась вперед столь грозно, столь неудержимо, что остановить ее было не в человеческих силах.

Начальник полка почувствовал какую-то перемену. Он привстал, вытянул шею, взгляделся в раскинувшуюся впереди степь – и увидел, что она сжимается, уходя в узкую лоцину между двумя невысокими каменными отрогами.

Отыскав глазами адъютанта, он крикнул, пытаясь перекрыть грохот колесниц:

– Остановить! Сейчас же остановить полк! Развернуть колесницы направо!

Но он и сам уже понимал, что выполнить его приказ невозможно: если бы какой-то опытный возникший попытался замедлить ход своей колесницы, на него обрушились бы те, кто мчался сзади; если бы он попытался повернуть коней, его колесницу перевернули бы и растоптали сотни других колесниц.

Даже сам начальник полка не мог замедлить бешеное стремление своей колесницы, он мог только с нарастающим ужасом наблюдать за происходящим.

Передние колесницы втянулись в лощину, как в бутылочное горло. Лощина сужалась, и колесницы сталкивались боками, опытные возничие пока еще с трудом справлялись с управлением, с трудом удерживали колесницы от падения.

Но вот в узкое горло лощины одна за другой влетели серпоносные колесницы, и страшные лезвия полоснули по ногам мчащихся рядом лошадей.

Равнину огласило мучительное ржание, трава обагрилась кровью, кони с перерезанными сухожилиями падали на землю, под колеса мчащихся колесниц, под ноги других коней. Колесницы сталкивались, опрокидывались, ломались с оглушительным треском.

В считанные минуты грозная ассирийская армия погрузилась в смятение и хаос.

Со всех сторон доносились крики боли и ужаса.

И тут на холмах, которые с двух сторон сжимали лощину, показались скифские всадники. Их было много, много, как травинки в степи, много, как песчинок в пустыне, как капля воды в море. Скифы натянули свои короткие тугие луки, и тысячи стрел взлетели в воздух, чтобы через мгновение обрушиться на растерянное, мятущееся, вопящее от ужаса ассирийское войско.

Стрелы летели со всех сторон, они жалили ассирийцев, как смертоносные пчелы.

А потом бородатые всадники на низкорослых выносливых косматых лошадях обрушились со склонов холмов на остатки ассирийского войска.

Как волки на овечье стадо, подумал начальник правого полка. Как волки на беззащитное стадо.

Впрочем, самого правого полка больше не существовало.

Начальник разбитого полка успел подумать, что не переживет этого позора, и успел увидеть несущегося на него степного всадника, его разорванный криком рот, его длинную русую бороду, обагренную ассирийской кровью кольчугу, копьё в его руке, успел даже обнажить свой меч и нанести удар.

Копье скифа скользнуло по его закаленным доспехам, тогда как меч ассирийца достиг цели, вонзившись в плечо варвара. Ассириец выдернул меч из раны и нанес еще один удар.

Но тут сбоку возник другой скиф, с окованной медью дубинкой в руке – и на начальника правого полка обрушилась тьма.

Обычно Лена просыпалась быстро, глаза откроет – и вскочит, валяться не любила. В этот раз, однако, глаза не хотели открываться, пока Лена не приказала им это сделать.

Она долго не могла понять, где находится, пока не осознала себя в собственной постели. Она спала почему-то в юбке и в колготках, завернувшись в покрывало, вместо того, чтобы, как все нормальные люди, улечься в ночнушке на простыни. Наверное, поэтому все тело невероятно чесалось.

Лена со стоном села на кровати, и комната вокруг стала тихонько кружиться. Лена не стала ей мешать, а попыталась вспомнить, что же случилось вчера.

Вспомнила про паршивку Катьку, и про Валеру, и про отвратительное пойло, которое пришлось пить, и про несвежую еду. Вот отчего так худо, нужно просто принять горячий душ и выпить крепкого черного чая, кофе явно не пойдет.

Для того чтобы снять юбку и колготки, понадобились все силы, которые остались в ее ослабленном организме. Для того чтобы спустить ноги с кровати, пришлось долго себя уговаривать. А уж для того чтобы дойти до двери, Лене пришлось пообещать себе коробку пирожных из дорожной кондитерской на Малой Садовой.

Все знают, что заедать неприятности сладким – весьма порочный метод, чреватый неприятными последствиями, так что Лена вообще запретила себе смотреть на пирожные, когда они расстались с Андреем. Но сейчас обещание помогло.

Бросив взгляд на часы, оставшиеся на руке, она не поверила своим глазам. Часы показывали половину пятого, то есть она проспала почти весь день.

В прихожей неприятно пахло – бензином, застарелым дымом и еще чем-то. Лена увидела на полу кучу одежды. Вначале она опознала свою блузку, но в каком виде! Всю мятую, с оторванными пуговицами, да еще и с пятном на боку. Пятно было ржавого цвета, и объяснить тот факт, что Лена не сразу определила, что это, можно было только ее зверским похмельем. Вот именно, так ее организм мстил за выпитое накануне дешевое некачественное вино.

Лена пошевелила ногой мужскую куртку, валявшуюся на полу, и наконец все вспомнила: исчезнувшего водителя, кровь на сиденье и то, что она угнала чужую машину. Испугалась задним числом, но тут же призвала себя к порядку и бросилась в ванную.

«Забыть, – твердила она, стоя под горячими струями душа, – выбросить из головы все, что случилось вчера. Каткин номер в черный список занести. Хватит с меня школьных приятелей!»

Но забыть не получилось, потому что, когда Лена пришла в себя и стала готовиться к рабочей неделе, она хватилась пропуска. Его не было ни в сумке, ни в прихожей на столике. Лена искала везде, наконец приказала себе прекратить бегать по квартире, как мышь от веника, и подумать, куда он мог запропасться.

Пропуск должен быть дома, поскольку в субботу она его не брала с собой, так что нечего искать в сумке.

Сумка! Сумка же была не та!

И Лена скрылась в стенном шкафу. В той, рабочей сумке пропуска тоже не оказалось. Она отогнала ужасные мысли о той бюрократической тягомотине, которая ей предстоит при восстановлении пропуска, и сосредоточилась на мелочах. Если бы не похмелье, то память работала бы лучше.

Итак, в пятницу шел дождь, а ей нужно было на объект, поэтому она надела джинсы, кроссовки и куртку. Ну да, ту самую, брусничного цвета. Потом заехала в офис, а когда выходила... так, теперь точно вспомнила, что положила пропуск в карман куртки. Еще на молнию застегнула, так что он до сих пор там лежит. Если, конечно, эта зараза Катка куртку не выбросила. С нее станется!

Катке звонить дико не хотелось, но выхода не было: без пропуска на работу не попадешь, восстанавливать его – ужасная морока, да и куртку жалко – хорошая, новая.

Катка долго не брала трубку, наконец ответила сонным, гнусавым голосом:

– Это кто?

«Конь в пальто!» – хотелось сказать Лене, но она взяла себя в руки, если начнет сейчас ругаться, Катка просто трубку бросит.

Когда Катка уразумела, что звонит Лена, она сразу проснулась и с ходу разозлилась:

– У тебя наглости хватает звонить? Что тебе нужно? Я тебя видеть больше не желаю! Слышать о тебе не хочу! Ноги твоей в моем доме больше не будет!

– Да постой ты! – примирительно перебила ее Лена. – Я к тебе домой вовсе не собираюсь. Я вообще-то по делу звоню! Я у тебя куртку свою забыла, а в ней пропуск...

– Ничего не знаю, ничего не видела! – тут же рявкнула Катка, однако трубку почему-то не бросила.

– Все ты видела! – Лена потихоньку накалялась. – Этот твой урод Валера мне куртку не отдал, еще тореадора там изображал, клоун несчастный!

– Твоя правда, – неожиданно сказала Катка нормальным голосом. – Валерка и правда урод тряпачный, мы с ним ночью поругались. Век бы его не видеть.

– Слушай, мне про Валеру неинтересно, – втолковывала Лена, – мне бы куртку свою забрать.

– Куртку? – Новый поворот сюжета как-то сразу притушил Катькину злость, словно сменил у нее в голове программу. – На черта мне нужна твоя куртка... постой... а, вот, правда, она тут лежит под вешалкой... Ой, грязи на ней... – в Катькином голосе прорезались нотки злорадства, – Валерка ее ногами топтал.

– Посмотри, есть ли в кармане пропуск! – рявкнула Лена, и Катька не посмела отказаться. Пропуск был на месте, и на том спасибо.

– Тебе на работу когда?

– Когда-когда... – ворчала Катька, – завтра, к девяти. А ты поспать не даешь...

– Возьмешь куртку завтра на работу! – приказала Лена. – Я к тебе утром в больницу заеду! Да смотри не проспи и не забудь, мне без пропуска никак нельзя!

– Ладно, возьму. Вот прямо сейчас в пакет ее положу...

И Катька сладко зевнула.

Костик шел по улице, мрачно глядя себе под ноги.

Ситуация была паршивая. Нужно было где-то срочно раздобыть денег. Много денег.

Во-первых, сегодня день рождения у его девушки Кристины. То есть сама Кристина не считала себя его девушкой, она всячески подкалывала Костика и давала ему понять, что она – птица не его полета, что с таким нищевородом, как Костик, ей нечего делать. Так что о том, чтобы прийти к ней сегодня с пустыми руками, не может быть и речи. Нужен подарок, и подарок приличный.

Конечно, можно снова занять у Севыча, у него деньги всегда водятся, но как раз тут возникало «во-вторых».

Во-вторых, а на самом деле как раз во-первых, он и так уже должен Севычу много денег, а это грозит очень серьезными неприятностями, потому что брат Севыча – крутой и опасный тип, с которым лучше не связываться. И Севыч на днях прозрачно намекнул, что, если Костик буквально сегодня не отдаст долг, ему придется-таки познакомиться с тем самым братом.

Вот если бы сейчас ему на глаза попался кошелек с деньгами...

Костик так ясно представил себе этот кошелек, что даже почувствовал его запах – запах кожи и почему-то одеколона.

Костик моргнул и принялся.

Кошелек на асфальте не было, но запах был, и запах был самый настоящий, хорошо знакомый. Костик поднял глаза и увидел припаркованную возле тротуара машину. Машина была так себе, средненькая, довольно старая зеленая «Хонда». Но сиденья кожаные – это от них исходил тот самый запах. Кроме того, у самого Костика и такой машины не было.

Костик заглянул в машину...

И увидел невероятное: в замке зажигания торчали ключи.

Значит, не перевелись еще в нашем городе идиоты! А идиотов, как известно, нужно наказывать.

Костик огляделся по сторонам.

Хозяина машины поблизости не было. Вообще, поблизости не было ни души. Таким удачным случаем нельзя было пренебрегать, и Костик, еще раз воровато оглядевшись, открыл дверцу машины и сел на водительское место. Он был внутренне готов к тому, что сейчас же на него навалится какой-нибудь громила, спрятавшийся на заднем сиденье, но секунды проходили, а ничего не происходило. Тогда он повернул ключ и, не веря своему счастью, выжал сцепление.

В первый момент он решил приехать на этой машине к Кристинке – то-то она удивится, но потом до него дошло, что это – неудачная мысль: если хозяин машины объявится и вышвырнет его при Кристинке, стыда не оберешься.

Нет, нужно действовать умнее.

Вряд ли хозяин машины ушел далеко. Надо воспользоваться его глупостью и как можно быстрее превратить эту машину в деньги. Потому что деньги, как известно, не пахнут, и уж их-то никакой хозяин не отследит.

Костик ехал дворами и переулками, чтобы не нарваться на полицию, и скоро приехал к гаражу Пантелеича.

Пантелеич был, как говорят, человек широко известный в узких кругах. Он держал гараж неподалеку от железнодорожного переезда, и его гараж был известен тем, что там в любое время дня и ночи можно было купить и продать все что угодно.

Пантелеич сидел на табуретке перед своим гаражом, подставив солнцу широкую плоскую физиономию, и слушал семейную перебранку, доносившуюся из открытого окна на третьем этаже. Слушал ее он с таким выражением лица, с каким другие слушают пение птиц или симфоническую музыку.

Костик подъехал к гаражу и затормозил.

Пантелеич стер с лица лирическое выражение, взглянул на Костика и спросил:

– Чего надо?

– Пантелеич, мне бы машину продать.

– Вот эту? – Пантелеич окинул машину цепким взглядом. – Ну так продавай. Я не возражаю. На каждом шагу фирмы, которые рухлядью подержанной торгуют.

– Да они тянуть будут, а мне срочно надо... – заныл Костик. – Деньги очень нужны.

– Срочно? – фыркнул Пантелеич. – Срочно, парень, только кошки родятся.

Тем не менее он нехотя поднялся с табурета, подошел к машине и оглядел ее.

И тут же брови его полезли на лоб:

– Ты что, щенок, совсем сдурел? Ты что мне пригнал?

– А что? Что такое? – заволновался Костик.

– Да у нее все сиденье в крови! Ты что – зарезал в ней кого? И с такой машиной ко мне явился?

– В крови? – Костик подпрыгнул как ужаленный и устался на сиденье. Оно и правда было в бурых пятнах. Правда, на его счастье, пятна эти высохли, и Костик не перемазал свою одежду.

– Я... я тут ни при чем... – залепетал он. – Она такая была... я не заметил.

– Быстро загоняй машину в гараж! – прошипел Пантелеич, отступая в сторону.

Костик послушно заехал в гараж, Пантелеич опустил ворота и включил свет.

– Вот что, – проговорил он, хмуро глядя на Костика. – Так и быть, я эту машину разберу, так что у тебя никаких проблем не будет. И денег с тебя за это не возьму.

– Денег? С меня? – изумленно переспросил Костик. – Пантелеич, поимей совесть! Это ты мне денег должен! Ты же ее на запчасти разберешь и по частям загопишь!

– А риск? – прошипел Пантелеич. – Она же вся в крови! На ней же определенно мокрое дело висит!

– Пантелеич, ну имей совесть! – канючил Костик. – Мне очень деньги нужны!

– Ладно, так и быть, держи! – Пантелеич порылся в кармане, достал оттуда две тысячные купюры и сунул Костику.

– Что – это все? – Тот чуть не зарыдал.

– Ладно, держи еще одну! Больше ты все равно не заработал! И не забудь сказать спасибо!

В понедельник утром Лена поехала через весь город в Катькину больницу. Пока она добиралась, пока стояла в пробке перед железнодорожным переездом, натикало уже половину одиннадцатого. Катька давно уже должна была заступить на дежурство. Самой Лене уже звонили из офиса, но она не брала трубку, потому что сказать в свое оправдание ей было нечего.

Лена поставила машину на больничную стоянку, прошла через приемный покой, спросила у пожилой нянечки, где находится ортопедическое отделение, поднялась на третий этаж и вошла в длинный унылый коридор. Никто ее не остановил, никто не спросил, куда это она идет с утра пораньше, да еще без бахил, очевидно, в этой больнице были демократичные порядки.

За столом дежурной сестры сидела женщина лет тридцати пяти с красными от недосыпа глазами. Она вяло переругивалась с другой женщиной, постарше лет на десять.

– Если у вашей мамы диабет, самим нужно следить, что она ест! Я не нанималась ее тумбочку проверять! Откуда я знаю, кто ей эти бананы принес? Ваша мама, вы за ней и следите!

Заметив Лену, медсестра повернулась к ней всем телом:

– А вы что здесь делаете? Если вы к больному пришли, предъявите пропуск! А иначе только в приемные часы. Приемные часы у нас вы сами знаете когда.

Вот интересно, сами пускают всех подряд, а потом спрашивают.

– Я не к больному, – проговорила Лена, – я к Катерине Супруновой. Мне Катерина нужна. Где она?

– Ах, к Катерине? – Сестра привстала со своего места, в голосе ее зазвучала непонятная радость. – Ах, к Супруновой? Ах, тебе интересно, где она? Так вот мне это тоже очень интересно, потому как твоя Супрунова уже час назад должна была меня заменить! Я уже вторые сутки на дежурстве, а ее нет и нет! Ну это же надо совсем совести не иметь! Это уже который раз с ней такая история! Напьется с друзьями и подружками, вот такими, как ты, и непременно проспит, а мне за нее отдуваться! Мне за нее свои нервы портить, которые, между прочим, не восстанавливаются! Кто мне это все компенсирует?

– Так она не пришла еще? – Лена вычленила из возмущенного монолога сестры осмысленную часть.

– А ты ее видишь? – кипятилась женщина. – Вот и я не вижу! Дрыхнет небось твоя Супрунова без задних конечностей, а я здесь за нее отдуваться должна!

Тут она заметила все еще стоящую рядом женщину и тут же переключилась на нее:

– Если у вашей мамы проблемы с головой, нанимайте ей кого-нибудь или сами за ней следите, а я на это не подписывалась! У нас, между прочим, ортопедия, а не психиатрия!

Лена воспользовалась кратковременной передышкой и быстро покинула отделение. Ругаться с этой мегерой не входило в ее планы. На это не было времени.

Выходит, Катька еще дома... Проспала, зараза, так что сменщицу ее понять в общем-то можно.

Идти к Катьке домой Лене совершенно не хотелось, не хотелось вспоминать ту отвратительную вечеринку, но выхода у нее не было, нужно было вернуть пропуск, да и куртку жалко, хорошая куртка, дорогая и совсем новая.

Лена снова вышла на улицу и медленно пошла вдоль больничного корпуса к воротам, за которыми виднелась Катькина пятиэтажка. На душе у нее было какое-то неприятное предчувствие, вроде того, какое бывает перед тем, как испортится погода, или перед тем, как здорово наорет начальник.

Навстречу Лене тянулась цепочка людей – озабоченные женщины с набитыми сумками, оживленные студентки-медички. Ориентируясь на эту цепочку, Лена свернула в арку, соединяющую – или разделяющую – два здания, собственно больницы и какой-то двухэтажной хозяйственной постройки.

Возле входа в эту пристройку цепочка людей застыла, образовав небольшую толпу. Лена тоже невольно притормозила, увидела испуганное, бледное лицо светловолосой первокурсницы, ее широко распахнутые фиалковые глаза.

– Что случилось? – спросила она девушку сочувственно.

Она уже догадывалась, каким будет ответ, но не могла сама себе в этом признаться.

– Вон... – Студентка ткнула тонким пальцем с зеленым маникюром в самую середину толпы, где, как в центре тайфуна, образовалась гулкая тревожная пустота. Там, в этой пустоте, на свежей нежно-зеленой траве лежало что-то страшное, бесформенное, накрытое серо-серой застиранной простыней.

– Что... что это? – вполголоса спросила Лена студентку, с которой у нее установился уже какой-никакой контакт.

– Девушку убили, – ответила та, не сводя глаз с простыни. – Вот так здесь ходишь каждое утро...

– Девушку? – переспросила Лена и тут увидела торчащую из-под простыни туфлю, точнее – женский ботинок-лофер. Черный лакированный ботинок с кокетливым бантиком.

Лена почувствовала, как ее обдало жаром.

Она вспомнила эти лоферы – Катька Супрунова надевала их при ней и еще хвасталась, как удачно и недорого их купила. И целый вечер в них так и проходила, налюбоваться не могла.

Значит... значит, вот почему Катька не пришла на дежурство! Вот что ее задержало!

– Она точно убита? – зачем-то спросила Лена студентку, когда к ней вернулся голос.

– Точнее не бывает! – ответила та и покосилась на Лену. – Что, знакомая твоя?

– Нет, – быстро открестилась Лена и на всякий случай отошла от студентки.

Но далеко она не ушла – тело под простыней притягивало ее как магнит.

Теперь она увидела, что пустота около трупа не так уж пуста. В ней переступали два человека, словно исполняли какой-то сложный этнический танец.

Один был солидный мужчина лет пятидесяти в ослепительно белом халате, с богатой седой шевелюрой, выглядывающей из-под крахмальной шапочки, с властным и уверенным лицом, какие бывают у президентов небольших южноамериканских республик и у заведующих отделениями клинических больниц.

Второй же был его полной противоположностью – низенький, кривоногий мужичок в сильно потертой и испачканной чем-то черным спецовке, с каким-то примятым лицом и вытаращенными бесцветными глазами.

Вальяжный мужчина в белом халате тыкал в своего оппонента крепким толстым пальцем и говорил рокошующим басом:

– На каком основании, Петушков, вы его переместили?

– Кого – его? – отозвался мужичок в спецовке, покосившись на труп. – Кого его, когда это она?

– Вы меня, Петушков, своими словами не запутывайте! – рокотал начальник. – Его – потому что труп! Так вот, я вас, Петушков, еще раз категорически спрашиваю – на каком основании вы его переместили с места преступления?

– Ни на каком ни на основании, а потому как находится в щитовой посторонним категорически запрещено! О том в инструкции написано, и еще табличка имеется! Насчет техники безопасности, и вообще! А она – то есть он – однозначно посторонний! Поэтому и переместил! Увидел, что она... то есть он в щитовой лежит, и немедленно переместил! По инструкции!

– Вы, Петушков, слишком много на себя берете! Труп должен был до прихода полиции находиться на своем месте, потому как могут быть следы и улики!

– На каком же на своем? – возражал Петушков, подсакивая и размахивая руками, словно желая оправдать свою фамилию. – На каком же на своем, когда он там посторонний? Полиция полицией, а мне инструкцию соблюдать положено!

– Вы мне, Петушков, уже надоели со своей инструкцией! Вы переместили труп, а мне теперь с полицией разбираться! Как будто у меня без этого дел мало!

Тут сквозь толпу любопытствующих протолкались два хмурых мужчины в темных помятых пиджаках, один повыше и похудее, другой пониже и потолще.

– Где тут труп? – осведомился тот, что повыше.

– Вот! – Вальяжный мужчина ткнул пальцем в накрытое простыней тело. – А вы, я так понимаю, из полиции?

– Правильно понимаете. – Высокий махнул в воздухе удостоверением. – А кто его нашел?

– Вот этот вот человек. – Вальяжный тем же пальцем ткнул в сторону Петушкова. – Слесарь наш. Только он труп самовольно переместил из помещения на улицу... как будто он не понимает, что труп должен находиться на месте преступления! Еще, видите ли, на инструкцию ссылается!

– Подождите, мы с ним сами разберемся! – Высокий полицейский жестом как бы отстранил вальяжного мужчину и подступил к Петушкову:

– Фамилия!

– А я ее фамилии не знаю, – тут же открестился тот. – Я ее вообще никогда раньше не видел.

– Я вас не про чью-то постороннюю фамилию спрашиваю, а про вашу собственную. Ее-то вы, надеюсь, помните?

– Ее-то, известное дело, помню. Петушковы мы. И отец мой был Петушков, и дед... насчет прадеда не помню, но полагаю, что он тоже был Петушков.

– Ваши родственники меня не интересуют. Мне достаточно вашей фамилии. Значит, это вы нашли труп?

– Значит, я.

Высокий полицейский наклонился и жестом фокусника сдернул с трупа простыню. По толпе пронесся испуганный вздох. Полицейский оглядел зевак и строго проговорил:

– Кто-нибудь из вас знает... то есть знал потерпевшую? Кто-нибудь может определить ее личность?

И тут неизвестно откуда появилась та самая медсестра, которая только что сидела на посту в ортопедическом отделении. Только теперь она была не в белом халате, а в джинсах и бежевой курточке, отчего стала моложе и не такой строгой.

– Я знаю... знала. Это Катерина Супрунова, медсестра. На нашем отделении работает... работала.

– Супрунова... – повторил полицейский, записывая показания в блокнот. – А ваша лично как фамилия?

– Сомова я, Вера. А только при чем здесь я? – заволновалась медсестра. – Я вообще только сейчас сюда подошла, у меня дежурство было на отделении. Так что я именно там и находилась. Можете проверить. А вот эта – ее подруга, она к нам приходила и про нее расспрашивала! – И она указала на Лену.

– Мы и с вами разберемся, и с ней! – многообещающе проговорил полицейский и подошел к Лене:

– Фамилия?

– Дроздова, – неохотно призналась Лена. Очень ей не хотелось попасть в поле зрения полиции, но, похоже, этого было не избежать. Так уж судьба сложилась.

– А документ какой-нибудь у вас имеется?

– Имеется... – И Лена предъявила права.

Полицейский внимательно их изучил, прежде чем вернуть, затем проговорил сочувственно:

– Значит, Елена Павловна, она была вашей подругой?

– Ну не то чтобы подругой... – тут же открестилась Лена. – Скорее просто знакомой.

– Просто знакомой? Однако вы к ней приехали, спрашивали о ней... у вас было к потерявшей какое-то дело?

– Да, дело... – протянула Лена. – Я у нее в гостях была позавчера и куртку забыла. Так вот, я ей позвонила и просила эту куртку принести на работу, а сама за ней приехала... зашла к ней на отделение, но там мне сказали, что она еще не пришла.

– Куртку забыли? – переспросил полицейский, пресекая ее многословные объяснения.

Лена почувствовала неловкость – мол, человек погиб, а она тут о тряпках беспокоится.

– Там в кармане пропуск лежал, – добавила она. – Мне он очень нужен. Мне без него на работу не попасть.

В это время второй, низенький полицейский вытащил откуда-то из-под лежащего тела пластиковый пакет и заглянул в него.

– Какого цвета ваша куртка? – спросил он, как актер на детском утреннике.

– Брусничного, – ответила Лена и пояснила на всякий случай: – Темно-красного.

– Есть такое дело! – Низенький полицейский вытащил из пакета Ленину куртку.

– Вот она, такая куртка! Действительно, темно-красная! Так что слова гражданки подтверждаются!

Лена потянулась было за курткой, но полицейский отступил, строго взглянув на нее:

– Это вещественное доказательство! Мы вам ее отдать не можем! Не положено!

– Но, может, тогда хоть пропуск отдадите? – жалобно проговорила Лена. – Мне пропуск очень нужен, меня без этого пропуска на работу не пустят.

– Вещественное доказательство, – повторил низенький полицейский не так уверенно, но к нему тут же обратился второй, высокий:

– Да ладно тебе, Валентин, какое это доказательство? Видно же, что это ни при чем! Отдай девушке пропуск, у нее и правда неприятности могут быть. А мы ее координаты так и так записали, так что найдем, если понадобится.

– Ну если записали, тогда ладно, тогда мы действительно найдем, ежели что... – И низенький полицейский принялся ощупывать Ленину куртку в поисках пропуска.

Лена почувствовала неприятное ощущение, как будто это ее он ощупывает короткопальными руками.

– Да отдай ты ей куртку! – каким-то усталым голосом сказал напарнику высокий полицейский. – Понятно же, что никакое это не вещественное доказательство!

– Отдать? – низенький взглянул на Лену с сомнением, потом перевел взгляд на своего напарника и протянул: – Правда, что ли, отдать?

Высокий полицейский ничего не ответил, только посмотрел очень выразительно.

Низенький сложил куртку и протянул ее Лене:

– Ладно, возьмите. Только вы пока никуда из города не уезжайте, может, у нас к вам какие-то вопросы появятся, так чтобы вы всегда были в пределах досягаемости.

– Да я никуда и не собиралась уезжать... – Лена взяла куртку под мышку и пошла прочь. Надевать куртку на себя ей совсем не хотелось, было у нее какое-то неприятное чувство.

И еще у нее перед глазами так и стояла эта картина – что-то бесформенное, накрытое простыней, и торчащий из-под этой простыни лакированный ботинок.

В машине она развернула куртку, чтобы достать из кармана пропуск, и поняла, что больше никогда ее не наденет.

Куртка была невероятно грязна, там, возле тела, на свету, Лена не сразу это заметила. А теперь вспомнила Катькины слова про Валеру, который топтал эту куртку ногами, и убедилась, что это правда, вон они, следы-то.

Лена тут же устыдилась – человека убили, а она из-за куртки злится. Мысли ее обратились к несчастной Катьке. Как же так получилось? Средь бела дня, когда вокруг куча народу...

Тут она вспомнила, как врач ругался с этим слесарем, который перетащил Катьку на улицу из щитовой. Стало быть, убили ее в этой самой щитовой (Лена по работе знала, что это такое). Но как Катька там оказалась? Заманили ее, что ли? Непохоже. Из недолгого общения с бывшей одноклассницей Лена поняла, что Катька – девица тертая, просто так ее никуда не заманишь, она не девочка все же, которую можно конфеткой приманить...

Тут ее размышления прервал звонок телефона.

– Дроздова, где тебя носит? – орал в трубку шеф. Слышно было, что он на пределе.

– Я на объекте, Игорь Саныч, – на голубом глазу соврала Лена, – мы же в пятницу договаривались.

В пятницу шефу позвонила очередная подружка, и он ушел с обеда, так что Лена твердо знала, что разбираться он не станет.

– Ты конкретно где? – Шеф сбавил обороты, но Лена прокричала, что связь плохая, и отсоединилась.

Потом она выбросила из головы все посторонние мысли и сосредоточилась на дороге.

Вера Сомова хотела свернуть на тропинку, чтобы срезать дорогу, но вовремя опомнилась. Нет уж, теперь никаких уединенных тропинок, никаких срезаний, она будет ходить по главной дороге, пусть так и дольше. Ну это же надо такому случиться, чтобы человека зарезали прямо на территории больницы!

К своей сменщице Катерине Супруновой Вера не испытывала теплых чувств. Разумеется, такой смерти она ей не желала, но Катька вечно раздражала ее своей безответственностью и совершенным разгильдяйством. Не то чтобы Вера так уж переживала за больных, которые рисковали получить от Катьки некавалифицированную медицинскую помощь, нет, больные Веру волновали мало. Ее очень напрягало, что Катька вечно опаздывает, постоянно бегаёт курить, что часто ей звонят по телефону разные мужские голоса, а еще она покупает себе нарядные яркие тряпки и живет, по ее же собственному выражению, исключительно для себя, любимой.

Вот этому-то Вера безумно завидовала, поскольку она жила совершенно по-другому. У Веры была семья – муж и свекровь. Она была замужем больше пяти лет и успела убедиться, что муж ее совершеннейший козел. Все-таки она была медиком и умела смотреть правде в ее неприятное лицо. Муж был неказист, неумен и трусоват. И зарабатывал мало. Словом, от него не было толку как днем, так и ночью.

Но это было бы еще ничего, если бы не свекровь. Единственным сильным качеством в характере мужа было то, что он обожал свою маму. И мама этим беззастенчиво пользовалась.

Она объявила себя больной, и муж, разумеется, поверил и еще заставлял Веру покупать дорогущие лекарства. От консультации врачей свекровь упорно отказывалась – ясное дело, те скажут, что болезни ее все выдуманные. Уж Вера-то видела ее насквозь, уж она-то разбиралась, болен человек или просто придуривается.

Свекровь ходила по дому с палкой, постоянно громко стонала и жаловалась то на спину, то на голову, то на сердце, дескать плохо, плохо, в глазах темнеет. На предложение Веры вызвать «Скорую» свекровь отказывалась – ничего, отлежусь, говорила она слабым голосом и поднимала глаза к потолку.

Иногда свекровь выходила гулять. Она ковыляла, артистично опираясь на палку, сгорбившись, едва переставляя ноги и то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть.

Но это продолжалось только до того места, где дорожка переставала просматриваться из окна. Свекровь не знала, что Вера как-то не поленилась и выскочила на лестницу, где из пыльного окошка видела, как свекровь, выйдя из поля зрения, зажала палку под мышкой и пошла бодро и уверенно, как все прочие люди.

Говорить обо всем мужу было бесполезно, сделала Вера однажды такую глупость, так такого наслушалась. И свекровь немедленно устроила себе сердечный приступ, опять-таки обошлись без «Скорой», все исключительно на словах.

Вот потому-то Вера и завидовала Катьке, что они оба ей дико осточертели.

Сейчас противный голос внутри напомнил ей, что завидовать нехорошо, что вот чем ее зависть Катьке обернулась. Вера от голоса отмахнулась – у каждого своя судьба, значит, Катьке на роду написано было вот так умереть.

Вера посмотрела на часы и охнула. Она должна была быть дома полтора часа назад! И накормить свекровь завтраком, потому что та назло и с кровати не встанет.

Господи, неужели ей это на всю жизнь?

Вера уже видела впереди ворота больницы, как вдруг с боковой дорожки выскочила блондинка в голубой форме медсестры. Волосы у блондинки были тщательно уложены, а губы густо накрашены ярко-алой помадой. Вера тотчас расстроилась, представив, какой у нее ужасный вид после суток дежурства – бледная вся, как больничная простыня, а глаза красные от недосыпа.

Блондинка схватила Веру за руку.

– Слушай, ты с ортопедического? – спросила она, слегка задыхаясь. – Что у вас там случилось, убили кого-то?

– Сменщицу мою, Катю, – машинально ответила Вера и сделала грустное лицо, – представляешь, шел себе человек на работу, ничего такого не ожидал, и не рано даже, она всегда опаздывала, а тут вдруг... в общем, зарезали ее.

– С ума сойти! – ахнула блондинка и прикрыла рот рукой. – И никто ничего не видел? Там же с остановки народ прямо прет – и мы, и посетители...

– Да она не с той стороны шла, – неизвестно зачем принялась объяснять Вера, – она через дырку в заборе всегда проходила, потом по тропиночке, она вон в том доме живет... жила... ей до работы всего ничего, не больше пяти минут.

Тут до нее дошло, что Катьки больше нету, что не на кого будет ругаться и не у кого будет стрельнуть сигаретку, когда совсем припрет и хочется или сбежать из дому или придушить свекровь подушкой. Вере стало нехорошо, она пошатнулась и помертвелыми губами отвечала еще на вопросы блондинки, потом опомнилась, сообразив, что та спрашивает из любопытства, а Вере ляды точить некогда, а то свекровь при встрече ее на завтрак съест.

Блондинка проследила, как Вера скрылась за воротами, затем отошла в сторону и достала мобильный телефон.

– Я тебя поздравляю, – насмешливо сказала она в трубку, – твои уроды опять облажались. Они убили не ту девицу. А вот так, – ответила она на заданный на том конце вопрос, – Катя-то она Катя, и работала в этой больнице в ортопедическом, да только жила прямо напротив, в пятиэтажке зачуханной. И сам посуди, стала бы она ночью глубокой с работы куда-то ехать? Наврала все та девка водиле, что медсестрой работает, чтобы он с нее денег поменьше взял.

Блондинка замолчала, выслушивая ответ, потом снова заговорила:

– Ну да, с Катькой этой она явно знакома была, да только теперь у нее ничего не спросишь... Вот так вот... Не знаю, менты этого идиота слесаря взяли, который тело из щитовой на дорожку перенес. Не иначе, на него все и повесят... это уж не моя забота...

Блондинка убрала мобильный телефон и пошла к воротам, где на стоянке была припаркована машина. Никто не обратил на нее внимания – ну вышла сестричка по делу, забыла что-нибудь. Там таких, как она, не одна сотня.

В машине блондинка сняла белокурый парик и стерла яркую помаду, затем накинула поверх формы легкий плащ и решила, что доедет так, не переодеваясь.

В офис Лена успела только перед самым концом работы.

– Лен, а тебя там ждут! – крикнула секретарша Дашка.

– Кто еще? – поморщилась Лена, она безумно устала, хотела пить и есть, и ей совершенно не улыбалось в конце рабочего дня утрясать какие-то вопросы.

– Сама посмотри! – усмехнулась Дашка.

Дашка была девица невредная, приходилась шефу не то двоюродной племянницей со стороны жены, не то троюродной сестрой, оттого он и взял ее на работу. Была она приличных габаритов, ходила вечно в старом джинсовом комбинезоне, не красилась и стриглась коротко, чтобы время не тратить, как признавалась она сама. Сотрудницы только пожимали плечами – на что тогда его тратить, если не на внешность? Что у Дашки – семеро по лавкам, что ли? Да у нее и парня-то нет, и если в таком виде будет ходить, то и не будет никогда.

Дашка только отмахивалась. Но в делах у нее был порядок, шеф никогда не ругался. И с сотрудниками Дашка держала себя просто, не кичилась родством с начальством.

Лена прошла в свой «кабинет», как шутили сослуживцы, – просто угол комнаты, отгороженный шкафом для бумаг. Заглянула за шкаф и обомлела. В тесное пространство между столом и стенкой был втиснут еще один шкаф. Только живой. Ну да, тот самый тип, который был у Катки в субботу... как же его звали-то...

– Анатолий! – крикнула Дашка ей вслед. – Вам, может, еще кофе сварить?

– Спасибо, – прогудел Толик, – пока не надо.

– Что ты тут делаешь? – прошипела Лена. – Как ты вообще меня нашел?

Она дико разозлилась. Приперся, сотрудники его видели, да еще и расселся так, что ей и не войти. Стул ее занял, а она так устала – ноги не держат. Кофе ему Дашка подает – тоже мне, барин какой!

– Чего тебе? – неприветливо спросила Лена.

– Поговорить надо. – Толик сделал попытку приподняться со стула, но тогда он заполнил бы собой весь закуток, так что он махнул рукой и снова сел на стул, который безнадежно скрипнул, приготовившись, надо думать, к самому худшему.

– Не здесь. – Лена развернулась и отправилась к двери, мрачно глядя перед собой. У двери стояла Дашка – в куртке и джинсовой кепке, за спиной – рюкзачок.

– Лен, шеф ушел, остальные с объектов не вернутся, я тоже пойду, ты закроешь?

– Закрою. – Лена посмотрела на Дашку с благодарностью.

Определенно, хорошая девчонка, с пониманием.

– Ну? – спросила Лена, когда дверь за Дашкой закрылась. – Излагай. Только покороче.

– Валерку менты взяли. – Толик наконец дал стулу перевести дух.

– С чего эту вдруг? – удивилась Лена. – Они же вроде слесаря того, как его... который Ка... тело нашел.

– Его пока тоже держат, на всякий случай, а на Валерку соседка настучала, они с Каткой тогда ночью здорово поругались, он пьяный орал разное-всякое.

– И что? – Лена подошла к Толику ближе и попыталась взглянуть на него в упор, но глаза ее оказались на уровне воротника пиджака. Того самого, с субботы.

– Валерка ни в чем не виноват, – сказал Толик, – никак не мог он ее убить.

– С этим не ко мне, – холодно проговорила Лена, – пускай полиция разбирается, кто ее убил. Я к твоему Валере, сам понимаешь, теплых чувств не испытываю. У тебя все?

– Нет, не все, – твердо ответил Толик. – С Валеркой-то как-нибудь разберемся, он в понедельник утром машину чинил одному там во дворе. Тот мужик на дачу уехал, как вернется – пойдет в полицию и все расскажет. Так что будет у Валерки алиби.

– А если не захочет пойти? – прищурилась Лена.

– Захочет, – пообещал Толик, и Лена поверила.

– Слушай, а тогда я-то тебе зачем? – осторожно спросила она, поскольку габариты Толика не располагали к громкому крику и размахиванию руками.

– Тут такое дело... – Толик вздохнул, – ты не поверишь, но Катерина... в общем, она... она нарочно тебя к себе в гости заманила.

– Чего? – Лена отскочила от него подальше и заорала: – Да ты что несешь? Нарочно выдумал, чтобы ко мне подкатиться? Так придумал бы что-нибудь правдоподобное, в такое я не поверю! Ни за что не поверю! Это же надо!

Она еще что-то кричала обидное, Толик в это время спокойно ждал. Не пытался ее остановить, не уверял, что она ему сто лет не нужна была и далее в таком духе.

Наконец Лена утомилась и замолчала.

– В общем, так... – начал Толик, – значит, когда ты ушла, Валерка еще долго изгалялся, он вообще-то парень противный, когда выпьет. Уж я-то знаю. Потом кто-то из девиц торт в холодильнике нашел, чаю заварили, под торт снова выпили и вроде как все устаканилось. А минут через сорок вдруг раздается звонок в дверь. Мужик какой-то спрашивает – такси вызывали?

Катерина как его увидела, так с лица побледнела и вышла с ним на лестницу. Что-то долго ее не было, я потихоньку дверь открыл, смотрю – мужик тот Катьку у окна в угол зажал и ругается.

Ты, говорит, такая-сякая, мне обещала, что она у тебя будет, деньги взяла, а ничего не сделала. Так и знал, говорит, что ничего тебе поручить нельзя, пьянь хроническая.

– А она что? – недоверчиво спросила Лена.

– Ну, Катька-то, конечно, пьяная была, но тут со страху протрезвела маленько. Я, говорит, все сделала, а она ушла, что я ее, силой, что ли, держать стану? Врешь все, тот тип говорит, деньги взяла – значит, хоть в сортире ее запереть должна. И ее за горло схватил, а я тут вышел и спрашиваю, что, мол, происходит, Катя?

– А он что? – усмехнулась Лена.

– А он, как меня увидел, так сразу Катьку бросил и ушел. Катька отдышалась и тоже ушла. Я в окошко выглянул – и правда такси от подъезда отъезжает.

Прихожу в квартиру – а там дым коромыслом, Катька с Валеркой ругаются. Остальные все разошлись уже, а эти как завелись. Катька злится, что из-за Валеркиных выкрутасов такое дело не выгорело. Оказывается, мужик этот к ней подвалил недели две назад и сказал, чтобы она с тобой встретилась вроде бы случайно, набилась в подруги, а потом к себе в гости заманила. И чтобы ты непременно без машины была. А потом чтобы Катька позвонила по телефону (он номер дал), и он приедет на такси. А дальше уже не Катькина забота, она деньги получит, и все. А Валерка-урод якобы все испортил, напился и начал к тебе приставать, вот ты и ушла раньше времени.

– Да она сама-то... – вскипела Лена, – сама начала со мной драться, приревновала своего этого Валерку, да нужен он мне был как собаке телевизор!

– Вот-вот, Валерка ей тоже так сказал. Сначала вообще не поверил, пока я не подтвердил, что своими глазами того мужика видел. Тут он озверел, что она с ним раньше своими планами не поделилась. С тобой поделишься, она отвечает, – так ты потом все деньги пропьешь или на какую-нибудь ерунду потратишь!

Начали они из-за денег ругаться, а я ушел. Только мне и дела, что их слушать. Соседка говорит, они и подрались потом, она уж грозилась патруль вызвать. Вот я и думаю, может, Катерину тот мужик прирезал, очень он был на нее зол...

Лена молчала. История, рассказанная Толиком, походила на выдумку. Ну кому она, Лена, могла понадобиться? Для чего кому-то с ней знакомиться, да еще так сложно?

С другой стороны, если хоть немного допустить, что Толик не врет, то все сходится. Их с Катькой вроде бы случайная встреча в торговом центре и Катькина неумная радость. Если бы просто так встретились, то кивнули бы друг другу да и разошлись. А тут расселись в кафе, как

старые добрые подруги. И уж вовсе незачем было Катьке приглашать ее на день рождения, ну ни с какого боку Лена ей не нужна! Ничего у них общего нету, да и раньше никогда не было!

– Ничего не знаю, – сказала Лена твердо, – про Катькины дела ни малейшего понятия не имею. Ничего она мне не говорила, ни на что не намекала, мы вообще до этого десять лет не виделись. Я – вся на виду, никаких у меня тайн нету. Так что спасибо тебе, конечно, что зашел, только уж давай простимся прямо сейчас. Катьке уже ничем не поможешь, а с Валерой сам разберешься. И сюда больше не приходи. Кстати, как ты меня нашел?

– А я пропуск твой видел, там и название фирмы, и фамилия твоя была...

Лена только головой покачала.

Начальник правого полка открыл глаза и застонал.

Над ним стоял толстый бородатый скиф в шлеме, украшенном волчьей головой. Увидев, что ассириец открыл глаза, он что-то проговорил на своем варварском наречии. Ассириец разлепил разбитые, спекшиеся губы и прохрипел:

– Не понимаю!

Варвар повторил свои слова, в которых звучало звериное рычание и птичий клеток. Убедившись, что ассириец его не понимает, обернулся, что-то проклекотал, и рядом с ним появился другой варвар, молодой и худощавый.

– Кто ты? – спросил этот варвар, немного коверкая ассирийские слова.

– Я – Невнодсор, – гордо ответил ассириец, – начальник правого полка царской армии!

– Начальник полка, которого больше нет! – усмехнулся молодой скиф. – Ты храбрый воин. Ты убил в бою нашего повелителя.

– Слава Баалу! – прохрипел ассириец.

– Скоро ты сможешь лицезреть своего Баала и остальных своих богов. Наши старейшины повелели сжечь тебя на погребальном костре повелителя.

– Я не боюсь смерти, – проговорил ассириец радостно, – сгореть вместе с вражеским царем – что может быть почетнее для воина! Ты принес мне хорошую весть!

– Ты прав, ассириец. Это – хорошая смерть, такая же хорошая, как смерть в бою.

– Чем закончился бой?

– Половина вашего войска погибла, другая половина отступила, преследуемая нашими всадниками.

– Великий царь пришлет новое войско, вдвое большее. Вы будете разбиты и покорены! Ваших властителей в цепях приведут в Ниневию, в город львов! Их выставят на торговой площади, как диких зверей, на потеху черни, а потом продадут в рабство хеттским земледельцам и набатейским торговцам!

– Этого не будет. У нас нет городов и селений, которые можно разрушить. Мы – как вода, которую нельзя ухватить руками, как вода, которая везде найдет дорогу. Нельзя победить воду, нельзя победить ветер. Ваше войско будет годами блуждать по степи, оно будет преследовать нас, мучаясь от голода и жажды. Наши всадники будут отступать – и снова нападать на ассирийское войско, они будут убивать вас по одному, по двое, пока не убьют всех, до последнего человека. Наши повелители и правда придут в Ниневию, но они придут в нее как победители, как владыки. Они разрушат город крови, логово львов, а жителей его уведут в рабство.

Впрочем, ты этого не увидишь, потому что будешь сегодня на закате принесен в жертву нашим богам. Ты будешь в свите властителя, которого убил.

Молодой скиф повернулся к другому, бородатому, и зарычал, заклекотал на своем языке – должно быть, передавал тому суть разговора с ассирийцем.

Затем оба ушли.

Начальник уничтоженного полка попытался пошевелиться, но его руки и ноги были крепко связаны.

Тогда он успокоился в ожидании неминуемого.

Степное солнце нещадно палило.

Наконец оно начало клониться к закату, смиряя варварскую жестокость своих лучей.

Тогда рядом с ассирийцем появились двое скифов, они подняли его, положили на коня и куда-то повезли.

Путь был недолгим, в конце этого пути начальника полка сняли с коня и положили на помост, где уже было сложено много смолистых дров, а в самом центре помоста, на носилках из слоновой кости, восседал мертвый скиф – тот самый, которого начальник полка поразил своим мечом.

Скиф был одет в дорогие одежды, вышитые золотом, на челе его был узкий золотой обруч, покрытый искусной резьбой и украшенный красным камнем. В мертвую руку скифа был вложен меч.

Вокруг мертвого скифа сидели несколько красивых женщин в дорогих одеждах и несколько мужчин в одеждах попроще – должно быть, жены и слуги знатного мертвеца. Они молчали, глядя на что-то, невидимое прочим. Только одна женщина, самая юная, тихо, беззвучно плакала.

Вокруг помоста толпились скифы, они смотрели на мертвого владыку и о чем-то рычали и клекотали между собой. Среди скифов выделялись двое – молодые, рослые, чем-то схожие друг с другом. На щеке одного из них был длинный кривой шрам.

Солнце опускалось к горизонту.

Вперед вышел старый скиф с длинной седой бородой. Он поднял руку, указывая на темно-красный солнечный диск, и что-то проклекотал. Тут же к помосту подбежали несколько молодых слуг. Они деловито и ловко вскарабкались на помост, так же деловито и ловко закололи жен и слуг покойного властителя, но не тронули ассирийца. Затем, когда слуги сделали свое дело, седобородый скиф неспешно подошел к помосту, взял в руки кресало и высек огонь.

И в то мгновение, когда солнце закатилось за горизонт, пламя объяло похоронный помост.

Начальник несуществующего полка знал, что не должен кричать от боли, не должен показывать свою слабость – и он не кричал. Он не кричал, когда языки пламени облизывали его плоть. Он не кричал, когда пламя начало его пожирать. Он смотрел на окружающих костер скифов, и он увидел, как, по знаку седобородого, двое чем-то схожих между собой молодых воинов бросились в костер.

Старый волхв Артаз пристально, не мигая и не щурясь, посмотрел на опускающееся солнце, посмотрел на погребальный помост и проговорил веско, сурово:

– Повелитель прожил славную жизнь и умер славной смертью, смертью, достойной воина. Теперь он уходит от нас в счастливые края. Он разделит трапезу с богами. В этом пути его будут сопровождать жены и слуги. А еще его будет сопровождать знатный ассириец, чей меч оборвал жизнь повелителя.

Нам же сегодня надлежит выбрать нового повелителя – того, кто поведет наше войско за собой, того, кто будет счастлив в бою и принесет нам славу и богатые трофеи. Вы знаете, как выбирали владыку наши отцы и деды.

У нас есть два претендента на высший сан. Они равны происхождением, оба они – сыновья покойного владыки. Они равны доблестью – оба славные воины. Сейчас я запалю погребальный костер, потом подам команду, и тот из сыновей властителя, кто сможет первым подняться к отцу и снять с его головы священный венец, – тот и унаследует его власть.

Окружающие одобрительно загудели.

Артаз взмахнул рукой, и царские слуги взбежали на помост, чтобы умертвить спутников владыки. Когда они сделали свое дело, Артаз высек священный огонь и зажег дрова на помосте.

Заранее политые маслом, они вспыхнули ярко и радостно. Скоро пламя охватило весь помост, и тогда Артаз снова величественно взмахнул рукой.

Сыновья повелителя бросились в погребальный костер, как в ледяную воду. Они с двух сторон карабкались по пылающим дровам, закрывая лица от пламени. Один из них, Арнабад, запахнул лицо краем плаща, защищая глаза, и вслепую шарил в огне рукой, пытаясь дотянуться до отцовского чела. Второй, Кемерис, казалось, не чувствовал пламени. Он раздвигал огонь, как колючий кустарник, и приближался к повелителю.

И тут горящие дрова у него под ногами разъехались, и Кемерис по пояс провалился в бушующее пламя. В рядах его приближенных раздался горестный вопль.

Тем временем Арнабад дотянулся до венца на голове мертвого владыки, схватил раскаленный обруч, не замечая боли в обожженной руке, и тут же метнулся назад, вывалился из пламени и упал на землю рядом с помостом.

Его молодой оруженосец подскочил, набросил на царевича свой плащ, сбил жадные языки огня. Кто-то из слуг поднес победителю ковши вина. Царевич жадно выпил, поднялся на ноги и поднял над головой отцовский венец.

Кемерис безуспешно пытался выбраться из огня, но никто не смел ему помочь, никто не смел нарушить древний обычай. Наконец он издал крик, полный страдания, и замолк.

Старый Артаз подошел к Арнабаду, взял у него из рук венец и возложил на голову царевича.

– Боги сделали свой выбор! – провозгласил он торжественно. – Мы обрели нового владыку!

Пантелеич, по обыкновению, сидел на шаткой табуретке перед входом в гараж, подставив солнцу свое широкое лицо, когда перед ним остановилась черная машина с забрызганными грязью номерами. Передние дверцы машины одновременно открылись, из нее выбрались на тротуар два человека в одинаковых кожаных куртках. Один был наголо выбрит, голову второго украшал жесткий рыжеватый ежик волос. У рыжего было такое выражение лица, будто он за что-то смертельно обижен на весь окружающий мир, у бритоголового – будто этот самый мир что-то ему задолжал.

– Ты, что ли, Пантелеич? – осведомился бритый.

– Предположим, что я. А вы, ребята, кто такие и зачем пожаловали? По делу или так?

– Поговорить надо. – Бритоголовый осмотрелся по сторонам.

Пантелеич внимательно оглядел незнакомцев. Сразу видно, неприятные ребята, даже опасные – но при его бизнесе нельзя быть чересчур разборчивым.

– Поговорить? Отчего не поговорить! – Пантелеич поднялся с табуретки и вошел в гараж. Гости последовали за ним.

– И о чем же вы, ребята, хотите поговорить? – осведомился Пантелеич.

– О зеленой «Хонде», – выпалил рыжий.

– О какой такой «Хонде»? – переспросил Пантелеич.

Он почувствовал неприятный холодок в животе и подумал, что непутевый Костик втянул-таки его в неприятности.

– Ты сам знаешь, о какой, – миролюбивым тоном проговорил бритоголовый, и в его руке вдруг возникла металлическая палка. Пантелеич видел такие палки у местных бандюганов – они складывались до размера карандаша, а потом одним движением раскладывались, превращаясь в серьезное оружие.

Бритоголовый шагнул вперед и шарахнул своей складной палкой по лобовому стеклу «Ситроена», который стоял посреди гаража. Стекло рассыпалось в мелкую пыль.

– Вы, ребята, что такое устраиваете? – забормотал Пантелеич. – Вы зачем старого человека обижаете? Вы думаете, если старый человек, так за него и заступиться некому? У меня, между прочим, друзья есть очень серьезные... если вы меня обидите, они могут рассердиться.

– Ты, старый человек, лучше нас не сердь! Твои друзья если и есть, они сейчас далеко, а мы – вот они, рядом. И можем тебе не только стекла побить...

С этими словами бритоголовый снова угрожающе замахнулся своей палкой.

– Не надо, ребята! – вскрикнул Пантелеич. – Вы зеленой «Хондой» интересуетесь? Была, была у меня такая машина, только я ее уже разобрал. Разобрал и детали почти все продал. Значит, она ваша была? Так я же не знал... если бы я знал, что ваша, я бы не стал с ней связываться. Если хотите, я вам могу оставшиеся детали отдать... у меня, правда, есть на них покупатели, но ежели вам нужно...

– Забудь! – прежним миролюбивым тоном проговорил бритоголовый. – Плевать нам на эту «Хонду».

– А тогда чего же вы от меня хотите?

– Скажи, кто тебе эту «Хонду» притаранил.

– Кто притаранил? – замялся Пантелеич. – Дак, ребята, мне каждый день какие-то машины пригоняют, шпаны всякой много, разве же всех упомнишь?

– Ты что – опять за свое? – Бритоголовый снова взмахнул дубинкой и вдребезги разнес боковое стекло многострадального «Ситроена».

– Ну что, освежил память? – осведомился он сочувственно.

– Освежил, освежил! – залопотал Пантелеич. – Есть тут такой мелкий шкет, Костиком его зовут. Вот он мне ту машину и пригнал. Я его хотел отшить, да пожалел – очень уж ему деньги были нужны.

– Ну ты прямо святой херувим! – ухмыльнулся бритоголовый. – Пожалел! Надо же! А где же этого Костика можно найти?

– Где его найти – это я не знаю, – начал Пантелеич, но, заметив, что бритоголовый снова поднимает свою дубинку, торопливо продолжил: – Его самого – не знаю, а только он ошивается при Севыче. А Севыч – это шпана покрупнее, и его вы всегда найдете в заведении «Привал», которое на Пятой Красноармейской.

– Ну ладно, на первый раз мы на тебя зла не держим! – проговорил бритоголовый, и оба громилы покинули гараж.

Через двадцать минут они вошли в рюмочную «Привал».

Это было обычное заведение такого рода, где местные алкаши всегда могут найти рюмку дешевой водки с немудреной закуской и самое главное – слушателей, готовых часами внимать их воспоминаниям. Здесь можно было встретить и бывшего дирижера симфонического оркестра, и бывшего доцента, некогда преподававшего историю партии, и бывшего дипломата, и бывшего майора-артиллериста, и даже одного бывшего главного конструктора какого-то суперсекретного изделия, о котором он и сейчас мог говорить только шепотом.

Оглядев эту бывшую публику, напарники подошли к стойке и спросили возвышавшуюся за ней монументальную блондинку, где они могут найти Севыча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.